

АРМЯНИН МАТЕВОС—ПОСОЛ ЭФИОПСКОГО ИМПЕРАТОРА И ПОРТУГАЛЬСКО-ЭФИОПСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI в.

А. М. ХАЗАНОВ

(Москва)

В 1509 г. Елени, регентша императора Эфиопии Давида II, решила отправить дипломатическую миссию к королю Португалии Мануэлу.

Посольство было вызвано рядом обстоятельств, связанных с тогдашней международной ситуацией в северо-восточной Африке и на Ближнем Востоке, где Турция сделалась господствующей силой. Овладев арабийским побережьем Красного моря, турки повели наступление на Египет. Ясно было, что следующей жертвой турецкой экспансии должна была стать Эфиопия. Императрица—регентша Елени, будучи умной и проницательной государственной деятельницей, отлично понимала, что если турки завоюют Египет, они смогут использовать его как базу для наступления на Эфиопию. Последующие события показали, что опасения королевы не были лишены основания¹.

Особенно большое беспокойство королевы Елени вызвал тот факт, что турки к этому времени начали широко применять порох и огнестрельное оружие, а ее народ не владел ни тем, ни другим.

В этих условиях королева Елени стала искать союзника, достаточно могущественного для того, чтобы помочь ее стране противостоять турецкой экспансии. Сопоставив и изучив обширную информацию, полученную от португальского путешественника Ковильяна и из других источников, она пришла к заключению, что естественным союзником Эфиопии в борьбе против турок может стать Португалия, которая к этому времени «облачилась в доспехи великой державы, уравновешивая на мировых весах мусульманскую агрессивность христианским экспансионизмом»². Хотя королева и ее советники знали о коварстве и алчности португальцев, но угроза турецкого вторжения была настолько реальной и близкой, что ради ее отражения императрица приняла решение в пользу рискованного союза. Она полагала, что эту важную дипломатическую миссию лучше поручить кому-нибудь из белых, поскольку белому послу легче будет договориться с могущественным белым монархом. В Эфиопии к этому времени проживало несколько десятков белых. Есть сведения, что еще в первые годы правления Елени туда приехали более 60 чужеземцев из Португалии (в том числе Ковильяни), Греции,

¹ L. Hansberry, *Ethiopian ambassadors to Latin Courts and Latin Emissaries to Prester John*.— "Ethiopia Observer", 1965, vol. IX, № 2, p. 94.

² А. Мелнк-Спмонян, *Армянская колония в Эфиопии*. «Литературная Армения», 1967, № 4, стр. 83.

Армении и других стран³. Среди них долго выбирали подходящую кандидатуру для отправки в Лисабон. В конце концов выбор пал на жившего в Эфиопии и пользовавшегося значительным влиянием при императорском дворе армянина Матевоса⁴.

О личности Матевоса в документах, которые нам до сих пор удалось обнаружить, имеются лишь очень скудные сведения. Но и те немногие данные позволяют заключить, что Матевос был к тому времени много пережившим и много видевшим на своем веку человеком. Известно, что почти всю свою сознательную жизнь он был торговцем и монахом, знал много языков, побывал в Индии, Персии, Египте и Перусалиме, а затем, поселившись в Эфиопии, добился очень высокого положения и влияния при дворе негуса. Это видно, в частности, из того, что Елени называет его в своем письме «одним из наших главных министров»⁵.

Вместе с Матевосом в далекое путешествие отправился и некий молодой эфиопский дворянин. Послы должны были добраться до Лисабона и вручить королю Мануэлю длинное послание королевы Елены, в котором она предлагала заключить политический и военный союз между Эфиопией и Португалией⁶. Императрица приняла необходимые меры для того, чтобы сохранить в тайне действительные цели дипломатической миссии, так как не без основания опасалась, что если они станут известны, то не только турки, но и некоторые ее соотечественники, враждебно относящиеся к европейцам, постараются помешать успеху этой миссии. Поэтому официально было объявлено, что отправка посольства в Португалию имеет две цели: 1) дать послам возможность обсудить с португальскими теологами некоторые различия в религиозных доктринах католической и эфиопской церквей и 2) отвезти королю Португалии в качестве знака уважения передававшийся из поколения в поколение членами правящей династии в Эфиопии кусок креста, на котором был распят Христос.

Решено было, что посольство вначале отправится в Португальскую Индию, откуда, как рассчитывали, португальские власти помогут ему перебраться в Португалию. Посольство выехало из Эфиопии в конце 1509 или в начале 1510 г. Однако уже во время путешествия к Индии ее постигло несчастье — умер эфиопский дворянин.

³ Цадык Мэкурня Тэкле, *Еэтьопия тарик каце либнэ дынгаль эжкэ аче теодрос* (история Эфиопии от Аче Либнэ Дынгаль до Аче Теодроса). Аддис Абеба. 1957 (на амхарском языке), стр. 25.

⁴ Там же.

⁵ L. Hansberry, *Ethiopian ambassadors...* p. 94.

⁶ J. Dor esse, *L'empire du Prêtre-Jean*, vol. II, p. 245. L. Hansberry, *Ethiopian ambassadors*, p. 94. Эфиопский историк Цадык М. Тэкле ошибочно предполагает, что Матевос взял с собой в качестве подарка португальскому королю золотой крест. (Цадык Мэкурня Тэкле, *Еэтьопия тарик* (на амхарском языке) стр. 26) на самом деле этот крест был сделан из дерева, как это явствует из приводимого нами ниже текста письма королевы Елены Мануэлю.

Когда Матевос прибыл в португальскую Индию, португальские чиновники из-за светлого цвета его кожи усомнились в том, что он действительно был послом эфиопской королевы. Согласно некоторым источникам, Матевос был заточен в крепость, и ему пришлось просидеть там больше двух лет, пока не были получены соответствующие инструкции из Лисабона. Только в конце 1513 или в начале 1514 г. Матевос смог, наконец, достичь Лисабона, где он был тепло принят королем Мануэлем и его двором как законный полномочный посол эфиопской императрицы. Во время первой аудиенции, когда посол Матевос презентовал королю кусок упомянутого дерева и вручен ему письмо Елени, монарх горячо поблагодарил посла за письмо, а принимая крест, как сообщают очевидцы, «встал на колени и со слезами на глазах возблагодарил Бога за дарование ему такого подарка»⁷. О прибытии эфиопского посла и о получении им послания Елени дон Мануэл срочно уведомил специальным письмом папу Льва X, на что тот ответил посланием, в котором просил португальского короля дать послу наставления относительно необходимости примирения абиссинцев с католической церковью⁸.

В своем послании⁹ (текст его был написан на арабском и персидском языках) к дону Мануэлю королева-регентша называла его «нашим возлюбленным братом, самым христианнейшим королем Мануэлем, оседлавшим моря, завоевателем жестоких неверных и мусульман...» Переходя к существу дела, королева писала: «Мы направляем к вам нашего посла Матевоса, брата, который находится на нашей службе и словам которого вы можете верить, как если бы они были сказаны лично нами, ибо он — один из наших главных министров и говорит от нашего имени. Мы посылаем вам с нашим послом Матевосом крест, который несомненно был сделан из того креста, на котором был распят в Иерусалиме наш спаситель Христос и который попал в наше королевство в давние времена. Из этого куска дерева были сделаны два куска. Один из них мы храним у себя, а другой — тот, который вместе с этим письмом вручен вам нашим послом. Дерево креста черного цвета и оно скреплено маленьким серебряным кольцом»¹⁰. Далее Елени предложила королю Португалии заключить политический и военный союз, причем она советовала скрепить этот союз серией династических браков между младшими членами двух королевских семей. Всячески стремясь заинтересовать короля Мануэля в союзе с Эфиопией она сообщает ему, что может предоставить Португалии «горы продовольствия и людей в

⁷ L. Hansberry, *Ethiopian ambassadors...*, p. 94.

⁸ Breve de Leao X a El Rei D. Manuel. — *Alguns documentos do Archivo Nacional da Torre do Tombo a cerca das Navegações e conquistas portuguesas*. Lisboa, 1892, pp. 356—358.

⁹ Мы приводим пространные выдержки из этого документа, так как он сравнительно мало известен. Эфиопский историк Цадик Мэкурня Тэкле пишет: «Мне не удалось найти ни самого письма, ни копии, ни перевода этого письма». (Цадик Мэкурня Тэкле. *Этьопия тарик*, стр. 26. Мы цитируем текст письма по L. Hansberry. *Цит. соч.*, pp. 94—95.

¹⁰ Текст письма см. L. Hansberry. *цит. соч.*, p. 94—95.

таким количестве, что их невозможно сосчитать». В то же время она выражает надежду, что в обмен на эту помощь португальцы предоставят ей флот, столь необходимый для борьбы с турками в Красном море, ибо «вы, слава Богу, в этом отношении самая могущественная из всех наций». Резюмируя свое предложение о заключении политического и военного союза, королева пишет: «В том случае, если вы и мы соединим силы тем путем, какой здесь предложен, мы будем достаточно сильны, чтобы с божьей помощью уничтожить врагов нашей святой веры»¹¹.

Есть сведения о том, что Матевос не ограничил свою миссию вручением Мануэлю письма и подарка. Кроме этого, он рассказал королю о внутренних делах Эфиопии, обнаружив незаурядное дипломатическое искусство. Матевос привел много логичных доводов в пользу португальско-эфиопского союза, по которому первая могла получить ряд стратегических преимуществ, пользоваться портами на Красном море и в Индийском океане¹².

Дополнительный свет на дипломатическую миссию Матевоса проливают сведения из сочинений одного из португальских хронистов XVII в. Мануэля Баррадаша¹³. Этот весьма осведомленный ранний португальский писатель сообщает: «...Великий Афонсу де Албукерки считал, что крепость португальцев может быть только на острове Массауа. Король дон Мануэл поручил ему поехать и разузнать об этих портах пролива для того, чтобы в одном из них сделать крепость. Афонсу де Албукерки решил, что существует надежда сделать крепость только в Массауа, поскольку на этом побережье есть христианский правитель, который может помочь людьми и продовольствием, как он предложил через своего посла Матевоса, которого этот Афонсу де Албукерки послал в королевстве (Подчеркнуто мною.— А. Х.). Он поехал в Индию, предполагая вернуться, чтобы построить крепость в Массауа. Но поскольку, прибыв туда, он окончил правление и жизнь, его стремления не осуществились»¹⁴.

Любопытное упоминание о Матевосе, как бы вскользь брошенное Баррадашем, имеет, как нам кажется, особую ценность. Это важное свидетельство, удивительным образом ускользнувшее от внимания всех известных нам исследователей, наводит на мысль о том, что Албукерки не только встречался с Матевосом, но и помог ему добраться до Лисабона. По всей вероятности эта встреча двух выдающихся людей XVI столетия, во время которой Албукерки получил информацию об Эфиопии,

¹¹ Там же, р. 95.

¹² Цадык Мэкурня Тэкле, Цит. соч., стр. 26.

¹³ Этот источник высоко оценивали выдающиеся русские востоковеды академики Б. А. Тураев и И. Ю. Крачковский. Тураев писал, что «в его (Баррадаша— А. Х.) сочинениях виден хороший наблюдатель и точный повествователь. Для истории Абиссинии XVII века книга дает очень много».— См. И. Ю. Крачковский. Введение к эфиопской филологии. Л., 1955, стр. 53.

¹⁴ P. Emmanuel Barroada's, Tractatus Tres historico geographici.— *Revue Aethiopicarum Scriptorum Occidentales inediti a saeculo XVI ad XIX curante C. Beccari*, vol IV, Romae, 1916, p. 117.

«стране Иоанна», имела место в Адене в 1510 г. в самом начале пуге- шества Матевоса.

Письма Албукерки к дону Мануэлю несомненно содействовали то- му, что монарх проявил самый живой интерес и к послу Елени.

Предложение Матевоса в свете соображений, высказанных прослав- ленным португальским адмиралом, приобрело в глазах дона Мануэля особое значение и выглядело как чрезвычайно заманчивое и перспек- тивное.

Не теряя времени, дон Мануэл принимает решение отправить свое посольство ко двору королевы Елени и ее внука Давида II. Возглавить это посольство он доверил одному из выдающихся и старейших порту- гальских дипломатов 90-летнему Дуарте Галвану, который был госу- дарственным секретарем при двух королях и служил послом при дво- рах в Вене, Париже и Риме. В помощники ему был дан молодой дипло- мат Родригес де Лима, а капелланом миссии и ее секретарем был на- значен Франсишку Алвариш, который оставил одно из лучших описа- ний страны «священника Иоанна». Не считая команды корабля, посоль- ство состояло из 15 человек¹⁵. Вместе с ними на родину должен был вернуться и посол королевы Елени — Матевос. Члены посольства везли с собой богатые подарки Давиду II и его бабушке, в том числе «вещи не- виданные в их стране» — шпаги и другое оружие, роскошную кровать для королевы и «другие неизвестные им вещи»⁶¹.

О задачах португальской миссии дает представление очень важный документ, опубликованный Коэлью в сборнике материалов архива Тор- ре ду Томбу — «Инструкции Диогу Лопиша де Секейра, губернатора Индии, дону Родригу де Лима»¹⁷, из которого с полной очевидностью явствует, что на миссию возложили главным образом шпионские функ- ции, и она должна была собрать максимальное количество разведыва- тельной информации, необходимой для подготовки португальской экс- пансии на Ближнем Востоке. «Особенно постарайтесь побольше узнать, — предписывал губернатор Индии главе миссии — о могуществе этого короля, и его сеньоров, о золотых рудниках, которые, как нам ска- зали, там есть, и о его торговле и власти, которую он имеет, как далеко живут его сеньоры, о королях, которые ему подчинены и сколько их и что может каждый из них, сколько там христиан и мавров, и о дохо- дах, которые они получают... как далеко от его страны до Каира и ка- ким путем они пользуются... Очень важно, чтобы вы все это узнали и сообщили нам, а также о многих других вещах, которые я вам здесь не указываю»¹⁸.

¹⁵ В архиве Торре ду Томбу сохранилось датированное 10 марта 1515, распоряже- ние о выдаче одежды Дуарте Галвану, послу Португалии к священнику Иоанну — *Alvara para se darem uns vestidos a Duarte Galvao — „Alguns documentos“...*, p. 375.

¹⁶ *Carta de Francisco Alvares a El Rei — D. Manuel, 9, I, 1518 — „Alguns docu- mentos“...*, p. 415.

¹⁷ *Regimento que Diogo Lopes de Sequeira governador da India e do Conselho de El Rei deu a D. Rodrigo de Lima. „Alguns documentos“...*, pp. 441—445.

¹⁸ Там же, p. 443.

таком количестве, что их невозможно сосчитать». В то же время она выражает надежду, что в обмен на эту помощь португальцы предоставят ей флот, столь необходимый для борьбы с турками в Красном море, либо «вы, слава Богу, в этом отношении самая могущественная из всех наций». Резюмируя свое предложение о заключении политического и военного союза, королева пишет: «В том случае, если вы и мы соединим силы тем путем, какой здесь предложен, мы будем достаточно сильны, чтобы с божьей помощью уничтожить врагов нашей святой веры»¹¹.

Есть сведения о том, что Матевос не ограничил свою миссию вручением Мануэлю письма и подарка. Кроме этого, он рассказал королю о внутренних делах Эфиопии, обнаружив незаурядное дипломатическое искусство. Матевос привел много логичных доводов в пользу португальско-эфиопского союза, по которому первая могла получить ряд стратегических преимуществ, пользоваться портами на Красном море и в Индийском океане¹².

Дополнительный свет на дипломатическую миссию Матевоса проливают сведения из сочинений одного из португальских хронистов XVII в. Мануэля Баррадаша¹³. Этот весьма осведомленный ранний португальский писатель сообщает: «...Великий Афонсу де Албукерки считал, что крепость португальцев может быть только на острове Массасауа. Король дон Мануэл поручил ему поехать и разузнать об этих портах пролива для того, чтобы в одном из них сделать крепость. Афонсу де Албукерки решил, что существует надежда сделать крепость только в Массасауа, поскольку на этом побережье есть христианский правитель, который может помочь людьми и продовольствием, как он предложил через своего посла Матевоса, которого этот Афонсу де Албукерки послал в королевстве (Подчеркнуто мною.— А. Х.). Он поехал в Индию, предполагая вернуться, чтобы построить крепость в Массасауа. Но поскольку, прибыв туда, он окончил правление и жизнь, его стремления не осуществились»¹⁴.

Любопытное упоминание о Матевосе, как бы вскользь оброненное Баррадашем, имеет, как нам кажется, особую ценность. Это важное свидетельство, удивительным образом ускользнувшее от внимания всех известных нам исследователей, наводит на мысль о том, что Албукерки не только встречался с Матевосом, но и помог ему добраться до Лисабона. По всей вероятности эта встреча двух выдающихся людей XVI столетия, во время которой Албукерки получил информацию об Эфиопии,

¹¹ Там же, р. 95.

¹² Цадык Мэкурня Тэкле, Цит. соч., стр. 26.

¹³ Этот источник высоко оценивали выдающиеся русские востоковеды академики Б. А. Тураев и И. Ю. Крачковский. Тураев писал, что «в его (Баррадаша— А. Х.) сочинениях виден хороший наблюдатель и точный повествователь. Для истории Абиссинии XVII века книга дает очень много».— См. И. Ю. Крачковский. Введение в эфиопскую филологию. Л., 1955, стр. 53.

¹⁴ P. Emanuelis Barradas, Tractatus Tres historico geographicus.— Rerum Aethiopicarum Scriptorum Occidentales inediti a saeculo XVI ad XIX curante C. Beccari. vol IV, Romae, 1926, p. 117.

«стране Иоанна», имела место в Адене в 1510 г. в самом начале путешествия Матевоса.

Письма Албукерки к дону Мануэлю несомненно содействовали тому, что монарх проявил самый живой интерес и к послу Елени.

Предложение Матевоса в свете соображений, высказанных прославленным португальским адмиралом, приобрело в глазах дона Мануэля особое значение и выглядело как чрезвычайно заманчивое и перспективное.

Не теряя времени, дон Мануэл принимает решение отправить свое посольство ко двору королевы Елени и ее внука Давида II. Возглавить это посольство он доверил одному из выдающихся и старейших португальских дипломатов 90-летнему Дуарте Галвану, который был государственным секретарем при двух королях и служил послом при дворах в Вене, Париже и Риме. В помощники ему был дан молодой дипломат Родригес де Лима, а капелланом миссии и ее секретарем был назначен Франсишку Алвариш, который оставил одно из лучших описаний страны «священника Иоанна». Не считая команды корабля, посольство состояло из 15 человек¹⁵. Вместе с ними на родину должен был вернуться и посол королевы Елени — Матевос. Члены посольства везли с собой богатые подарки Давиду II и его бабушке, в том числе «вещи невиданные в их стране» — плаги и другое оружие, роскошную кровать для королевы и «другие неизвестные им вещи»¹⁶.

О задачах португальской миссии дает представление очень важный документ, опубликованный Коэльо в сборнике материалов архива Торре ду Томбу — «Инструкции Диогу Лопиша де Секейра, губернатора Индии, дону Родригу де Лима»¹⁷, из которого с полной очевидностью явствует, что на миссию возложили главным образом шпионские функции, и она должна была собрать максимальное количество разведывательной информации, необходимой для подготовки португальской экспансии на Ближнем Востоке. «Особенно постарайтесь побольше узнать, — предписывал губернатор Индии главе миссии — о могуществе этого короля, и его сеньоров, о золотых рудниках, которые, как нам сказали, там есть, и о его торговле и власти, которую он имеет, как далеко живут его сеньоры, о королях, которые ему подчинены и сколько их и что может каждый из них, сколько там христиан и мавров, и о доходах, которые они получают... как далеко от его страны до Каира и каким путем они пользуются... Очень важно, чтобы вы все это узнали и сообщили нам, а также о многих других вещах, которые я вам здесь не указываю»¹⁸.

¹⁵ В архиве Торре ду Томбу сохранилось датированное 10 марта 1515, распоряжение о выдаче одежды Дуарте Галвану, послу Португалии к священнику Иоанну — *Alvara para se darem uns vestidos a Duarte Galvao — „Alguns documentos“...*, p. 375.

¹⁶ *Carta de Francisco Alvares a El Rei — D. Manuel, 9, I, 1518 — „Alguns documentos“...*, p. 415.

¹⁷ *Regimento que Diogo Lopes de Sequeira governador da India e do Conselho de El Rei deu a D. Rodrigo de Lima. „Alguns documentos“...*, pp. 441—445.

¹⁸ Там же, p. 443.

Губернатор предписывал португальским лазутчикам действовать крайне осторожно и не обнаруживать своих истинных целей и намерений. «Если при дворе священника есть какие-либо короли или знатные сеньоры, посетите их от моего имени и узнайте их имена, и где находятся их земли и какие доходы они получают, но спрашивайте не их самих, а других лиц, от которых вы можете это узнать»¹⁹.

Лиме предписывалось сообщить священнику Иоанну, что король Португалии, «желая его дружбы и, чтобы услужить нашему Господу, хочет сделать крепость рядом с его землями и что он должен в этом помочь нам, снабжая съестными припасами, и что отсюда мы пойдем против наших врагов». В том случае, если эфиопский монарх вздумает отказаться, португальский посол должен быть припугнуть его, описав могущество своего короля: «Расскажите ему, как прежние короли Португалии всегда побеждали мавров и взяли много городов в Африке силой оружия... и что король, мой сеньор, после того как начал править, взял в Африке много городов, больше, чем взяли его предшественники и, кроме этого, расскажите ему об открытии Индии и особенно королевств и городов, которые завоеваны и взяты от Софалы до китайских городов»²⁰.

Посольство отплыло из Португалии 7 апреля 1515 г. и направилось вначале в португальскую Индию. В пути умер престарелый глава миссии Дуарте Галван²¹. Вместо него, как и было предусмотрено заранее, главой посольства стал Родригес де Лима. Трое других членов посольства умерли в море в районе Эритреи около острова Дахлак. Оставшиеся в живых (Матевос, Родригес де Лима, Жоржи д'Альбер и др.), пережив много трудностей и злоключений, в сентябре 1515 г. добрались до Индии. Там они оставались два года, готовясь к дальнейшему путешествию. Наконец в 1520 г. после затянувшихся пятилетних странствований путешественники высадились в порту Массауа. Отсюда Матевос направил письмо негусу в Шоа, уведомив его о прибытии португальской миссии. В ожидании ответа негуса посланцы жили в монастыре Дебре Бизене, где их очень тепло приняли местные монахи²².

Так и не дождавшись ответа на свое письмо старый и больной эфиопский посол Матевос скончался, и его спутники устроили ему торжественное погребение в монастыре в Бизене. По словам эфиопского историка Ц. М. Тэкле, смерть Матевоса «очень огорчила как посланцев, так и монахов»²³. Опасаясь, что Матевос умер от какой-либо заразной болезни, посланцы португальского короля в панике бежали из мо-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, р. 442.

²¹ В письме от 9 января 1518 г. Франшишку Алвариш сообщал королю: «Дуарте Галван уже умер, а Матевос жив и я тоже, хотя мое желание—умереть в пути на службе Богу и Вашему Величеству»,—Carta de F. Alvares. — „Alguns documentos“... р. 413.

²² Цадык Мэкурня Тэкле, цит. соч., стр. 27.

²³ Там же.

настыря. Вскоре они достигли резиденции местного правителя в Дебару по имени Бахре Нэгаш, где оставались некоторое время, затем они двинулись дальше и вскоре прибыли в монастырь Дебре Либанос. В это время умер настоятель монастыря Петрос и вместо него был избран собранием монахов «отец» Энбако. В связи с этим в монастыре были устроены празднества и прибывшие в этот момент португальские посланцы были приняты собравшимися здесь многочисленными монахами и богословами с большими почестями и с бурно выражаемым восторгом. В Дебре Либанос посланцы провели несколько дней, а затем отправились в Ифат, где находилась резиденция эфиопского негуса²⁴.

Миссия прибыла ко двору 10 октября 1520 г. Прием, который был ей оказан, был сдержанным и прохладным. Цадык М. Тэкле так описывает первую встречу португальцев с негусом Давидом II: «Негус и его приближенные не устроили гостям высокого приема. Гостей не сразу допустили к негусу, а сначала заставили ждать аудиенции, оставив за дверьми в ожидании, когда их позовут. Когда появился церемониймейстер и велел гостям согласно эфиопскому обычаю встать и затем сесть, португальцы обиделись, приняв это за оскорбление. Когда они встретились с негусом, им показалось, что им оказывается недостаточное внимание, и они даже задали ему вопрос: «Зачем же нас сюда пригласили?» На это негус им ответил: «Ни письменно, ни устно мы не приказывали Матевосу, чтобы приехали вы». В результате этого возникла некоторая взаимная враждебность»²⁵.

Цадык М. Тэкле объясняет столь холодный прием, оказанный португальской миссии, тем, что она не привезла с собой оружие. Такое объяснение нам представляется не совсем верным. Вряд ли негус и его двор могли ожидать, что португальское посольство привезет им оружие. Ведь в письме Елени не содержалось просьбы о присылке оружия. Кроме того, в Эфиопии уже были хорошо знакомы с европейским огнестрельным оружием и не могли не понимать, что посольство, состоящее из нескольких человек, не в состоянии привести его в количестве, удовлетворяющем военные нужды.

По нашему мнению, главной причиной холодного приема были изменения, происшедшие при эфиопском дворе. Елени, под тяжестью своего преклонного возраста и под нажимом своих политических противников вынуждена была уйти со сцены. Бразды правления перешли в руки достигшего совершеннолетия Давида II, ставшего негусом под именем Аце Либнэ Дынгыль. Юный император крайне подозрительно относился к мотивам португальцев и считал союз с ними очень рискованным для Эфиопии шагом. Это и определило его настороженное отношение к португальской миссии. Она пробыла в Эфиопии 6 лет²⁶ и в пер-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 27.

²⁶ Pero Pais. *Historia da Etiópia*. 3 vols, Porto, 1945—46, Livro I, p. 151.

вые годы не могла добиться какого-либо существенного успеха, так как все попытки португальских дипломатов начать переговоры о союзе наталкивались на вежливый, но твердый отказ Давида II. Однако к концу пребывания посольства в Эфиопии отношение двора к нему стало меняться радикальным образом. Это было связано прежде всего с быстро менявшейся международной ситуацией. Турки сделали фактически полновластными хозяевами всего Аравийского полуострова и большинства портов на Африканском побережье Красного моря. Расширение турецкого влияния и их антихристианской пропаганды в бассейне Красного моря способствовало возникновению внутренних раздоров в Эфиопии. Восточные провинции, населенные сомалийскими и другими племенами, исповедовавшими мусульманство, стали обнаруживать растущие центробежные тенденции и, опираясь на помощь турок, начали выступать против центрального правительства. Турки не только снабжали мусульманских подданных Давида II порохом и огнестрельным оружием, включая пушки, но и всеми мерами подбивали их поднять знамена восстаний против их христианского монарха. Такие восстания не заставили себя долго ждать. Самое крупное из них вспыхнуло в последний год пребывания португальского посольства в Эфиопии. Его организовал глава военного союза галласких племени Ахмед бин-Ибрахим по прозвищу Грань (1506—1543 гг.).

В результате нескольких сражений Грань установил свой контроль над Хараром, став его правителем. В мусульманских районах стали говорить, что он послан Аллахом и пророком Мухаммедом, чтобы помочь победам мусульман и избавить их от христиан. «Святые» ясновидцы из Йемена, Хадрамаута, Харара и Адала утверждали даже, что им было видение, из которого явствует, что Грань — пророк. Они предсказывали, что он завладеет всей Абиссинией и прогонит христиан²⁷.

Последовавшие за этим события следующим образом описаны хронистом XVII в. Алмейдой:

«Ахамед, сын Абрахима, которого называли Грань, пришел с великой гордыней в сердце, решив уничтожить христиан. Он вышел из Адала с великим высокомерием и многочисленной армией и, войдя в королевство Фатагар, опустошил много земель и взял в полон много людей. Услышав об этом, император Либнэ Дынгиль ...приказал собрать всех воинов своей империи... Когда произошла битва 13 Магабита (19 марта), император был разбит, потеряв много людей, а этот Мавр увел много невольников и взял огромную добычу»²⁸.

Во главе большого галлаского войска Грань двинулся на Эфиопию и чуть не лишил Либнэ Дынгиеля его тысячелетнего трона²⁹. В решающей битве галласы, некоторые из которых были вооружены огнестрель-

²⁷ Там же; Цадик М. Тэкле. Еэтьопия тарик, стр. 49.

²⁸ E. D'Almeida, *Historia Aethiopiae. — Rerum Aethiopicarum...*, vol. V, Livro III, Cap. VI, p. 264.

²⁹ *Ethiopian ambassadors...*, p. 96.

ним оружием, нанесли тяжелое поражение войскам Давида II и, несмотря на героическое сопротивление эфиопов, захватили всю центральную часть страны.

Эти трагические события, поставившие под угрозу существование Эфиопии как государства, заставили Давида II и его советников пересмотреть свои прежние оценки целесообразности союза с Португалией. Они с полной очевидностью осознали тот факт, что без пороха и огнестрельного оружия Эфиопия не сможет избежать сокрушительного военного поражения от своих врагов. А порох и огнестрельное оружие, включая артиллерию, эфиопы могут получить от португальцев в том случае, если Эфиопия пойдет на формальное заключение союза с Португалией. Придя к такому заключению, Давид II сообщил послу Родригесу де Лима, что он не только благоприятно относится к предполагаемому союзу, но и собирается написать «своему брату — королю Португалии» и «святому отцу — папе». Эти письма были написаны, и Давид II поручил доставить их в Лисабон и Рим одному из самых высокопоставленных лиц в своем королевстве Зага Заабу, который был главой эфиопской церкви, губернатором одного из районов, а также близким к негусу лицом. Вместе с эфиопским послом должны были отправиться на родину члены португальской миссии. 28 апреля 1526 г. Зага Зааб и его спутники отплыли из Массауа и после короткой остановки в Гоа направились в Лисабон, куда прибыли 4 января 1527 г. Здесь эфиопскому послу был устроен чрезвычайно теплый прием. После обычных приветствий, Зага Зааб вручил королю подарок негуса — корону, сделанную из золота и серебра, а также два письма юного эфиопского монарха. Жуан III был весьма растроган этими знаками высокого уважения и, выразив благодарность, заявив, что питает надежду, что будущее углубит и укрепит узы дружбы между его королевством и великой империей священника Иоанна.

Переговоры, которые вел Зага Зааб с португальским двором, шли в тупик вследствие отказа португальцев принять условия, предложенные Давидом II. Они не соглашались на посылку огнестрельного оружия, а настаивали на отправке португальских войск в Эфиопию³⁰.

Между тем турки неудержимо продвигались вдоль побережья Красного моря и захватили порты Суакин, Аркико и Массауа. В этих условиях, эфиопский двор вынужден был согласиться на ту форму португальской помощи, которую предлагал Лисабон, т. е. на посылку португальских солдат.

В марте 1538 г. из Лисабонской гавани вышла эскадра из 11 судов, которой командовал генерал-губернатор Гарсия де Норонья. Эскадра вошла в порт Массауа 12 февраля 1541 г. и высадила на берег отряд из 400 солдат во главе с четвертым сыном Васко да Гамы — Кривостаном

³⁰ F. A l v a r e s, *The Lands of Prester John*. — E. Prestage. *The portuguese pioneers*, p. 72 и след.; W. G. L. R a n d l e s, *L'image du sud-est Africaine dans la litterature europeenne au XVI siecle*, Lisboa, 1959, p. 165. A. G. D u p r e y, *De l'invasion a la liberation de l'Ethiopie*. Paris, 1955, vol. I, p. 28.

да Гама³¹. Португальцы двинулись на соединение с армией эфиопского короля. В ряде сражений объединенные силы эфиопов и португальцев нанесли поражения войскам турок, галласких племен и присоединившихся к ним арабов.

В одной из битв 28 августа 1542 г. португальцы потерпели жестокое поражение от мусульманских войск. Сам Кростован да Гама, дважды раненый, был схвачен галласами и увезен в лагерь Граня, перед палаткой которого он увидел выстроенные в ряд головы 160 своих солдат³². «Дон Кростован вынес, кажется, больше, чем смерть: его унижали и пытали... Затем имам обезглавил его своей собственной рукой»³³.

Португальцы жаждали отмщения за смерть своего вождя. Собравшись с силами, они вместе с эфиопским войском выступили в поход 6 февраля 1543 г. Решающее сражение с Гранем произошло у Уойна—Дега. В разгаре битвы португальцы внезапно увидели перед собой отряд галласов, который вел в атаку сам имам Грань. «Тогда Перу де Лиан, который был слугой дона Кростована, человек очень маленького роста, но прекрасный стрелок, жаждавший отомстить за смерть своего хозяина, направил на него свой аркебуз и тот упал мертвым со своей лошади»³⁴. Мусульманские войска тотчас же обратились в беспорядочное бегство и, несмотря на отчаянное сопротивление, которое продолжали оказывать турецкие эскадроны, остальная армия быстро рассеялась.

После победы над турками и галласами сбылись самые мрачные прогнозы Давида II — португальцы остались в Эфиопии и начали проводить там такую же политику грабежа и насилий, какую они проводили во всех своих колониях.

Только народное восстание в Эфиопии (30-е гг. XVII в.) положило конец засилью португальцев. Свободолюбивый эфиопский народ изгнал иноземных колонизаторов и вновь обрел то, что характеризует почти всю его историю — независимость и государственный суверенитет.

³¹ J. D o r g e s s e, L'empire du Prêtre — Jean., vol. II, p. 305.

³² Там же.

³³ Там же. Грань послал голову да Гама в качестве трофея турецкому паше Зебиду. С этого момента Кростован да Гама почитался португальцами как святой. Его останки позже были привезены в Португалию и захоронены в родовой гробнице да Гама в Видигуэйра, — там же. p. 35. См. также E. L i t t m a n n, Die Heldentaten des Dom Christoph da Gama in Abessinien. Berlin, 1907, pp. 62—63.

³⁴ Там же. p. 306.